

Ламбозеро, Кармозеро и др. После конечного мягкого (сейчас или в гласного первой основы следует форма *-езеро*: *Пёчезеро, Пилезеро*, первой русской частью сложного топонима: *Кривоозеро, Нижнеозеро*. Такие слова со второй частью *-пала*, обе части неславянского происхождения: *Кушкочпала, Лётопала, Ластепала* и др.

Такие слова со второй частью *-мень (-немь)*, обе части также неславянские: *Цёлемень, Вёшкомень, Кузомень, Каскамень, Пиринемь* и др.

Такие слова со второй частью *-конец (-конье, -кон)*, обозначающие историю вокруг основного населенного пункта, а также часть деревни, по отношению к направлению течения реки: *Верхний Конец, Нижний Конец* (с центром *Леуцуконское*).

Такие слова со второй частью – наименованием реки (ручья) и первой (уменьшением от *усть*): *Усть-Цильма*.

Такие слова со второй частью *лахта* ('залив'): *Пушлахта, Киглахта*,

Такие слова со второй частью с элементом *-ня* после согласного:

Такие образования названий жителей деревень указанных выше типов таковы: *-о* – название жителей и ед. ч. – название одного жителя мужского пола бессуффиксным способом с окончанием *-а* во мн. ч. и нулевым в ед. ч. При этом ударение перетягивается на вторую часть сложных слов в обычном ударении на начальный слог названия деревни).

Такие названия первой группы: при названии села *Холмогоры* его жители *холмогорцы*, житель – *холмогорец*, при *Цёлегора* – *цёлегорца, цёлегорец*, при *Нисогора* – *нисогорец*, при *Дорогая Гора* – *дорогорца, дорогорец*, при *Пёрмогорье* – *пёрмогорец* и т. п. От названий со второй частью *-целья, -целье*: *Палацелья, палацелья; Белацелья – белацелья, белацелья; Тимацелья – тимацелья*, от названий со второй частью *-поле, -полье*: *Карьеполье – карьеполья, карьеполье – совполья, совполья; Азаполье – азаполья, азаполья*. К названиям типа примыкает также наименование типа *Каргополь – каргополья, каргопольцы* и т. п. От названий со второй частью *-бор*: *Павлов Бор – павлоборца, павлоборец; Сельскобор – сельскоборца, сельскоборец; Большой Бор – большоборца, большоборец; Печезёр, печезёр; Кривоозеро – кривоозёрца, кривоозёрец*. От названий со второй частью *-мень*: *Кушкочпала – кушкочпала, кушкочпалец; Лётопала – летопала, летопалец; Ластепала – ластепала, ластепалец; Шардомень – шардомёна, шардомёнец; Кузомень, кузомень. От названий со второй частью *-конец, -конье*: *Верхний Конец (верхноконца), верхноконец; Нижний Конец – нижнеконца, нижнеконечник* (новое название – *Леуцуконское*) – *леуцуконца, леуцуконец*. От названий со второй частью *-лахта*: *Пушлахта – пушлахта, пушлахалец; Киглахта – киглахалец, киглахалец*. От названий со второй частью с элементом *-ня*: *Ламбожня – ламбожнец, ламбожалец*. От названий с первой частью *усть*: *Усть-Цильма – устьцильмалец*. В трех последних типах в названиях жителей выступает вставной слог [о].*

Такие названия жителей всех рассмотренных выше типов производится суффиксным способом. Мотивирующей основой выступает наименование жителя

мужчины. Ср.: *цёлегорца, дорогорца, белацелья, азаполья, большоборца, леуцуконца, кушкочпалец, еркомёнка, верхоконца, пушлахалец, устьцильмалец* – с ударением на второй части названия.

Наименования жителей деревень, имеющих иные типы названий, образуются по другим, также легко конструируемым типам. Самым распространенным из них на исследуемом лингво-географическом пространстве является модель с суффиксом *-ан* (с мягким согласным перед *а* или чередованием согласных) и окончанием *-а* во мн. ч.: *Нёнокса – нёнокшана, Шёгмас – шёгмашана, Ёдома – едомляна, Паденьга – паденьганя, Кимжа – кимжана, Уфтюга – уфтюганя, Койда – койдяна, Золотича – золотичана, Родомя – родомляна, Смолёнец – смолёня, Ваймуша – ваймушана* и т. п. Единственное число мужского рода не имеет, как в литературном языке, суффикса *-анин*, а образуется либо с тем же суффиксом *-ан* (*нёнокшан*), либо с суффиксом *-ец*: *ёдомец, пёжмеец* (от *Пёжма*), *смолёнец, ваймушанец* и т. п.

Названия жителей образованы с помощью того же суффикса *-к* соответственно от форм муж. рода (*ёдомка, пёжемка, нёнокшанка*) или непосредственно от формы мн. ч. (*ёдомлянка, смолёнка, ваймушанка, золотичанка* и под.).

А. И. Кузнецова
Москва

Проблемы множественной номинации в ономастическом пространстве (на материале уральских языков)

Проблемы, связанные с ономастической номинацией человека, рассматриваются в докладе на примере нескольких финно-угорских и самодийских языков. Материал по которым собирался автором в полевых условиях и дополнялся сведениями из других источников по данным языкам. Существование множественной (п-ой) номинации в ономастическом пространстве характерно для всех языков мира. Имя человека неоднократно в течение его жизни претерпевает изменения. Некоторые они могут забываться, исчезать или появляться заново, другие становятся «собственностью» рода и регулярно репродуцируются. Возникает постоянный кругооборот имен в ономастике; более того: имя нарицательное переходит в собственное, а собственное снова может стать нарицательным (ср. эпонимы в русском языке: *галифе, хулиган*). Имена сопровождают человека всю жизнь, либо известные, либо не ведомые ему, данные «заглазно», и он лишь случайно узнает о них.

Антропонимикона многих уральских народов, не считая книг, диссертаций и статей об онимах с примерами имен из них, существуют в большом количестве (Л. П. Ненянг, С. Я. Черных, М. Г. Атаманов, Т. И. Тепляшина, С. Малиновская, Г. И. Вануйто, Т. Б. Лаптандер, Е. И. Тыликова, А. И. Кузнецова). При знакомстве с именниками у лингвистов возникают вопросы как сугубо лингвистические, так и этнолингвистические, например: кто и при каких обстоятельствах дает имя новорожденному? Сколько имен может быть у человека и каково их назначение? Чем отличается имя собственное от нарицательного? Когда, почему и как происходит

смена имен? Из всей совокупности этих и других вопросов я кратко остановлюсь на последнем.

Восходящие первоначально к нарицательным существительным имена собственные утрачивали в сознании людей свою первичную обусловленность и в дальнейшем функционировали независимо от происхождения имени, обычно вне связи с его этимологией (что наблюдалось и в индоевропейских языках). Вслед за именами появились фамилии и отчества. Например, у удмуртов в XV–XVII вв. семьи стали обозначаться именем деда, превратившимся постепенно в фамилию [Тепляшина, 1978, 46]. Позднее возникли наименования по отцу – патронимы (отчества). Человек всю жизнь «обрастает» именами, часть которых изменяется, многие исчезают совсем. Смену имен вызывают разные причины, не всегда одинаковые у представителей различных этносов.

Так, присвоение второго имени ребенку может иметь несколько мотивировок. Чаще всего причиной изменения имени служит желание уберечь ребенка от возможных несчастий; иногда меняют имя человеку после перенесенной им тяжелой болезни, чтобы она не повторилась. В этих случаях второе имя (в качестве которого обычно используются древние языческие имена, у молодых, впрочем, уже редко встречающиеся) употребляется только в кругу семьи или односельчан (первое имя является официальным и значится во всех документах). Список таких имен зафиксировала у южных удмуртов в 1947 г. Т. И. Тепляшина [1978, 44–46]. Двойные имена существуют у северных селькупов; у ненцев именно второе (настоящее) имя приходило на смену временному детскому по достижении ребенком 7 или 9-летнего возраста [Ненянг, 1996, 10–11]. Ненцы носили открыто свое взрослое имя до совершеннолетия, до свадьбы. После вступления в брак на настоящее имя накладывался запрет (табуированию подвергались даже слова, частично созвучные имени: так, если человека зовут *Содама* ‘возвращенный’, при нем нельзя произносить русское слово *сода* [Вануйто, 2003, 9]). Начиная действовать обряд избегания. Этот обряд характерен для всех уральских народов и соблюдается в большей или меньшей степени до настоящего времени у ненцев, селькупов, бесермян, коми, венгров и др.

Обряд избегания у разных этносов имеет разные негласные законы. У северных селькупов и ненцев родственников после рождения первого ребенка начинают называть не их собственным именем, а по имени первенца: сельк. *Mar'iškan ämy* «Марии мать», *Al'kan äsy* «Олега отец»; нен. *Вако' хада* «бабушка Вако». Законы избегания распространяются и на свойственников. Невестка в своей новой семье должна звать родственников мужа, которые старше ее, используя термины родства и свойства (младших можно называть по имени). В свою очередь младшие должны звать старших как ‘мать/отец такого-то’ (младших брата /сестру можно называть по имени) и т. д. Изредка вместо термина родства или свойства употребляется прозвище человека, бытующее среди односельчан. Так, вместо сельк. *M'ikytyn ämy* «Виктора мать» употребляется прозвище человека *S'uryn ämy* (*s'ura* ‘лыко с березы’). В последнее время молодое поколение (не только у селькупов), зная про эти обряды, да и то не везде, не соблюдает их. Именно так обстоят дела у бесермян, печорских коми, марийцев, удмуртов и самодийцев. Тем не менее, кое-какие правила называния передаются «по наследству» от старших молодым. И сейчас при замужестве и переезде в другую деревню женщина «теряет» свое собственное имя и

зывается по имени мужа или (реже) свекрови, а иногда – по названию деревни, откуда она приехала: мар. *Мемрин вато-же* «Дмитрия жена-его»; бес. *Tamara Al'a* «Алла (невестка) Тамарь»; *M'ikal' näl k'en* «Михаила дочь сноха»; *Baggurt näl* «из Багурта (деревни) дочь»; ср. *Is'i Nad'a* «маленькая Надя» (*Isi* – имя пращур). Обычно в своей собственной деревне незаконнорожденную женщину за глаза зовут по имени ее матери, например: к.-з. *Анна С'има*, а по паспорту *Петя Сима* (т. е. *Серафима Петровна*, по имени отчима).

Превращение в языке бесермян имен нарицательных в собственные происходило сравнительно недавно (поколения три назад). В качестве нарицательного имя нередко уже устарело и полузабыто, но оно вспоминается в настоящее время как оним предка, основателя бече (родоначальника патронимического гнезда). Так, от *Кэзу-р'ios* (удм. *кыз 'ель'*, букв. «ель-сыновья») появилось *бечо/бече*, включающее поколение его старшего сына *Makša-p'i-os b'eče*, от которого отпочковалось потомство сына *M'iša-p'i b'eče*. Сын последнего, таким образом, знает три колена вверх. Другой бесермянин сохранил память о родоначальнике своего бече по имени *Täg'ej Pavol* «шерстобит Павел» (удм. *тугыны 'бить шерсть'*), сына *Jorma* «нищий».

Особое место среди наименований человека занимают прозвища, иногда известные ему (и он откликается на них), но чаще – случайно узнаваемые или так и остающиеся ему неизвестными. Прозвища даются по словам-паразитам тем, кто регулярно употребляет их, позволяя по речи отождествить личность говорящего. Безобидно-насмешливыми являются прозвища *Елки зеленые* и *Елки-палки*, которыми жители села «наградил» двух своих односельчан-селькупов, постоянно вставляющих эти сочетания в свою речь. Поводом для прозвища могут быть физические недостатки человека, черты его характера. У селькупов, например, есть прозвище *Патыр* (< *pätyr* ‘завязки на бокарах’, которыми селькуп любил украшать себя), *Чумпира* (< *cumpy-ira* ‘длинный старик’), *Пыныля* (< *pyny* ‘бородавка’; прозвище дано за малый рост). Такие прозвища во многом сходны с мотивацией имени в древности объектами.

В последнее время в исследованиях, изучающих антропонимы (часто имеющие иноязычный субстрат), наблюдается стремление делать «выводы теоретического плана» [см.: Рут, 2001, 2003]. Исследователь отсекает древнейшую ступень имянаречения и анализирует семантическую систему современных индоевропейских антропонимов, существующую в разных языках (например, в русском). Интересные выводы М. Э. Рут теоретического характера, ориентированные на лексическое значение и функционирование в синхронии имени собственного, далеко не всегда приемлемы для антропонимов большинства финно-угорских и всех самодийских языков. В последних до сих пор сохранились (в большей или меньшей степени) старые способы именования и последующего переименования человека, что связано с этнолингвистическими, а не языковыми законами, в частности, с обрядом избегания. Часто семантика онима до сих пор определяется закрепленностью его не за конкретным членом социума, а за родом (например, у ненцев), к которому принадлежит человек [Ненянг 1996, 4]. Традиции наречения в одних языках уже сильно расшатаны, в других сохраняются в редуцированном виде, но везде есть множественность номинации одного и того же человека.

Вануйто Г. И. Ненецкая антропонимия и топонимия Гыданского полуострова. СПб., 2003.

Неланг Л. Наши имена. К вопросу об имяннаречении и бытовании собственных имен у ненцев Таймыра. Антропонимический очерк. СПб., 1996.

Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 59–64.

Рут М. Э. Номинация, наречение и имя собственное // Ономастика и диалектная лексика. IV. Екатеринбург, 2003. С. 120–124.

Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков. М., 1978.

Л. В. Куркина
Москва

Славянские топонимы как отражение культуры раннего земледелия

Славяне издавна занимались земледелием. Самая ранняя форма земледелия, характеризовавшаяся применением огня и подсеки, самостоятельно и в сочетании с пашенным земледелием практиковалась в отдельных частях славянской территории вплоть до середины XIX в. Источником наших знаний о ранней форме земледелия являются этнографические описания, диалектные и исторические словари, хозяйственные документы XV–XVII вв. и т. п. Важная роль в реконструкции особенностей архаичной формы земледелия, всех этапов подготовительных работ по расчистке лесного участка отводится данным языка. Информация о принадлежности слова к терминам архаичной формы земледелия извлекается из семантики слова, фиксируемого разными источниками. С переходом к пашенному земледелию происходит угасание специального «земледельческого» значения, составившего, как правило, лишь один из сегментов семантического спектра, при этом слово не всегда выпадает из словарного состава, оно продолжает функционировать в языке в других значениях и часто приобретает новую функцию – функцию выделения из окружающего мира и специального обозначения того или иного объекта земледельческой деятельности человека. Со временем такое обозначение переходит в разряд топонимических названий. Трудности в работе с этим материалом связаны с тем, что, строго говоря, сами по себе топонимические названия не несут информации о способах возделывания земли. Они становятся источником знаний лишь при определенных условиях.

1. Одно из основных условий – наличие соответствующего апеллятива в функции термина земледелия. Именно наличие таких апеллятивов дает основание отнести к отражениям архаичной формы земледелия повсеместно распространенные на славянской территории топонимы типа **Ѓьртежь*, **Тербежь*, **Лазь*, **Ѓедина* и т. д.

По данным истории, этнографии и языка подсечно-огневое земледелие активно практиковалось на Севере Восточной Европы, в лесных районах Словении, Сербии, Черногории, в лесистых Карпатах. Мы располагаем скудными сведениями о бытовании этой формы земледелия в других ареалах. Для них основным источни-

ком информации о раннем земледелии становятся топонимы. Так, из всей терминологии подсечно-огневого земледелия в древних болгаро-македонских документах отмечены лишь два термина (*требеж* и *лаз*), более широкий круг терминов находит отражение в топонимии: ср. болг. *Курило*, рус. *Курилка*, ур. [КСГРС] ~ **kurilo* 'дымить', болг. *Ѓурило*, рус. *Ѓурило* ~ **čuriti* [Михайлова, 1983. 254; КСГРС], ср. *чурило* 'место в лесу, расчищенное от кустарника' [СРГА, 4, 221]. Привлеченный к исследованию большой топонимический материал, собранный на территории Польши, свидетельствует о том, что не только в лесной части Карпат, но и далеко на севере применялась подсека. Ср. названия, засвидетельствованные в Поморье и других областях Польши: *Karczewice*, д.: 1336 *Karczewycz*, 1414 *Karsowitz*: **Łazy*: 1392 *czuder Lasen*, 1394 *zur Lasen* [Górniewicz, 1980, 70, 95]; **Łaz(y)*: 1278 *Lase*; **Osęky*: 1319 *Wosceken*, 1336 *Wusseken* [Rzetelska-Feleszko, Duma, 1985, 26, 27–28]; *Czerez*, *Czertez*. *Certes,-eza* < **čьrt* 'вырубка'; *Na Korzeń*, ср. рус. *садили на сыром корени* [Pawlowski, 1975, 21, 64] и т. д.

Данные исторической ономастики свидетельствуют о распространении подсечно-огневого земледелия на землях древних славянских поселений. Проведенное Ф. Малингудисом обследование небольшого района Греции, который на карте Пелопоннеса занимает участок морского побережья Мессенского залива на юго-запад от Спарты, свидетельствует о пребывании в этой области славянского населения в период с IX по XV в. В топонимах, засвидетельствованных в этом регионе, находят отражение ключевые термины подсеки: ср. *Κουρτσούνα* < **kurč-*, *Αόζος* < **lazь*, *Palina* ~ **paliti* и т. п. [Malingoudis, 1981, 60–61]. В Каринтии (Австрия), и, конечно, словенской территории, отмечено немало топонимов, связанных с древней формой земледелия: ср. *Ladéin*, 1610 *Zladein* ~ словен. *ledina*; *Laas*, д.: диал. *Löss* 1371 *Los* ~ словен. *laz*; *Kopéin*, д. ~ словен. диал. *kopánje* 'корчевание'; *Saak* 1238–1261 *Sacch*, 1371 *Saek*, диал. *Säck* ~ словен. диал. *Čáče* < **čadiče*, далее к *čad* 'дым' [Kranzmayr, 2, 134, 137, 123, 183]. Топонимия северной Италии также свидетельствует о применении подсеки как основного способа расчистки лесного участка: ср. 1715 *Ledine* ~ словен. *ledina* [Puntin, 2003, 80]. Таким образом, данные исторической ономастики позволяют выявить термины архаичного земледелия в тех областях, где об этой форме земледелия не сохранилось никаких воспоминаний, и тем самым расширить географию подсечно-огневого земледелия.

2. Терминология раннего земледелия сохранилась фрагментарно. Топонимический материал может использоваться и как источник утраченных или слабо сохранившихся терминов земледелия при условии восстановления этимологически связей с лексикой земледелия. Ориентиром в поисках связей служат семантически концепты «рубить», «драть», «ломать», «корчевать», «жечь» и т. п., организующие семантическое поле данной тематической группы. Глаголы с этой семантикой, передающие основные действия, направленные на расчистку лесного участка, а также соответствующие имена составляют ядро рассматриваемой тематической группы. В диалектах использовались разные лексические средства для выражения этих понятий и соответственно для обозначения разных циклов подготовительных работ. Состав терминов варьировал от диалекта к диалекту. В работах этнографов мы находим в самом общем виде описание всех видов деятельности по расчистке лесного участка, конкретное содержание действий, выполняемых земледельцем на каждо-